

Я. В. Хватик

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

Y. Khvatsik

Academy of Public administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 23.00.04

МОДЕРНИЗАЦИЯ КНР: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

MODERNIZATION OF THE PRC: FOREIGN POLICY ASPECT

В статье рассмотрены вопросы «политики открытости» и роли внешней политики в модернизации КНР, рассмотрен внешнеполитический аспект развития КНР на современном этапе.

Ключевые слова: модернизация; внешнеполитический аспект; политика «открытости»; особые (свободные) экономические зоны; «западная модель развития».

This article examines the issues of foreign policy and the policy of «reform and opening up» in the PRC's modernization, considered foreign policy aspect of the development of China at the present stage.

Key words: modernization; foreign policy aspect; «opening up policy»; special (freedom) economic zone; «western model of development».

События последнего времени демонстрируют не только значительный кризис «западной модели развития и модернизации», но и серьезный запрос общества на перемены. Примером могут служить некоторые события 2016 г.: Brexit (выход Великобритании из состава ЕС); победа «нестандартного и нетипичного» для политической элиты кандидата на выборах президента в США Дональда Трампа; пересмотр «европейских гуманитарных ценностей» в ответ на миграционный кризис в ЕС; резкий рост популярности идей фундаментализма среди европейской молодежи второго-третьего поколения эмигрантов на фоне столкновения с «новыми европейскими ценностями» (жесткое навязывания новых семейных стандартов и норм, запрет на ношение традиционной мусульманской одежды и т. д.). Все это ведет к пересмотру «западной модели развития», концепции «конца истории Ф. Фукуямы» – полной и безоговорочной победы «западной модели развития и демократии». При этом страны «западного мира» остаются признанными лидерами в области экономики и технологий, таким образом, кризис «западной модели» влияет тем или иным образом на развитие других регионов мира. Поиск решений и альтернативы являются актуальными для многих стран. Ответом на современные вызовы может стать новая модель модернизации и развития.

Модернизация – это не просто улучшение и развитие. Современное понимание модернизации предполагает направленность изменений в целях системного преобразования экономики и общества [1, с. 10].

Одним из успешных примеров модернизации является китайская модель развития. Еще 30–40 лет назад КНР была страной с неразвитой структурой народного хозяйства, с большой долей неграмотного населения, не имевшего доступа к качественному питанию, с огромной зависимостью от военной и технологической помощи извне (в первую очередь СССР).

Сегодня КНР наряду с США и ЕС – ведущая экономика мира, с одной из самых современных и бурно развивающихся инфраструктурой. Китайская экономика является одним из основных потребителей многих ресурсов (алюминий, никель, сталь, медь, уголь, золото, нефть). В 2016 г. юань был официально признан МВФ одной из мировых резервных валют [2]. В самой КНР был открыт Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, который в перспективе может претендовать на роль азиатской альтернативы Всемирного банка и МВФ.

КНР является одной из ключевых военных сил в мире с современным вооружением (в том числе ядерным), входит в «узкий круг» ведущих космических держав.

До 1971 г. КНР не была даже членом ООН, сегодня эта страна ведущий политический актор не только в регионе (лидер Шанхайской организации сотрудничества), но и в мире (постоянный член Совета безопасности ООН (далее – Совбез ООН), G-20 и БРИКС).

Одним из ключевых факторов успеха «китайской модели развития» – «политики реформ и открытости» – стала внешняя политика.

Если взглянуть на вопросы развития Китая в более широких исторических рамках, чем рассматриваемый период (история КНР), можно особо выделить роль внешнеполитического фактора в многовековой истории этапов лидерства и отставания Китая. Период международной активности (Великий шелковый путь, географические открытия) всегда позволял Китаю быть ведущим мировым регионом – как результат стремительное техническое развитие (изобретение компаса, бумаги, бумажных денег, фарфора, книгопечатания). И наоборот, переориентация Китая на внутренние источники развития привела к самоизоляции от внешнего мира. Промышленная революция в Англии в XIX в. не затронула Китай, что еще более затянуло экономический спад, закончившийся в 1911 г. падением династии Цин после почти трехсотлетнего правления [3, с. 132].

Такую же тенденцию можно увидеть и в более современном периоде истории Китая – развитие КНР с 1949 года.

Так, в период активного сотрудничества с СССР (до середины 1950-х годов), в КНР успешно реализовывалась программа развития страны: индустриализация (было построено более 150 крупных современных промышленных объектов), реформирование системы образования (увеличение количество школьников и студентов (в том числе обучающихся за рубежом)), увеличение объема внешней торговли и т. д. Венцом сотрудничества двух

государств можно считать успешную передачу ядерных технологий, КНР становится ядерной державой.

Наступившее после этого резкое ухудшение отношений с СССР приводит к самоизоляции. Политика самоизоляции: программа «большого скачка» – идея полного внутреннего самообеспечения – приводит к серьезному экономическому спаду, техническому отставанию и сворачиванию программ международного сотрудничества. Попытки же части политической элиты противостоять этим тенденциям, в свою очередь, приводят к ужесточению внутренней политики – «Культурная революция» (1966–1976 гг.).

После смерти Мао Цзэдуна и прихода к власти следующего («второго») поколения руководителей КНР во главе с Дэн Сяопином, начинает воплощаться в жизнь «политика реформ и открытости». Основные постулаты и идеи новой политики были озвучены в 1978 году на 3-м пленуме XI съезда ЦК Коммунистической партии Китая (далее – КПК). Дэн Сяопином были выдвинуты новые теоретические положения о том, что «современный мир – это мир открытости», а «развитие Китая не может осуществляться обособленно от общемирового развития» [4, с. 19].

Стоит особо отметить, что фундамент новой внешней политики открытости был заложен еще во времена Мао Цзэдуна. Это произошло благодаря пересмотру отношения к КНР со стороны администрации президента США Ричарда Никсона (основным идейным вдохновителем «потепления» с КНР выступал советник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер). США преследовали идею использования ухудшения отношений КНР и СССР в своих интересах, а именно, использование этой ситуации для создания противовеса СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР). В 1971 г. при поддержке США, КНР получает статус постоянного члена Совбеза ООН. В 1972 г., итогам визита Р. Никсона в КНР стало заключение так называемого Шанхайского коммюнике (о стремлении обеих сторон к нормализации отношения и ситуации в АТР). По мнению, бывшего премьер-министра и главного идеолога модернизации Сингапура – Ли Куан Ю, события 1972 г. стали неким водоразделом в развитии стратегической структуры отношений Востока и Запада [5, с. 50]. Позже в 1980-х гг. в США принимается целый ряд документов, позволяющих расширять сотрудничество американским транснациональным компаниям (далее – ТНК) с КНР. Также свой вклад в ускорение и упрощение принятия КНР в ВТО (вступление произошло в конце 2001 г.) внесла администрация президента США Билла Клинтона.

«Потепление с США», тогдашним лидером «западного мира», позволило КНР совершить прорыв в отношениях с другими государствами (Япония, Сингапур, Франция, Германия, Великобритания и т. д.).

Безусловно, в ходе проведения модернизации КНР многие реформы касались внутренних сфер (земельная и военные реформы, либерализация цен, реформирование госсобственности, изменения в сфере образования

и другие). Однако, ключевым фактором успеха стала именно «политика открытости» – начиная от сферы образования (многие студенты и ответственные партийные работники направлялись на обучение и для обмена опытом в развитые западные страны (в середине 1980-х гг. Си Цзиньпин несколько месяцев провел по такой программе в США), и заканчивая созданием специальных (свободных) экономических зон и развитых финансовых центров (Шанхай), где создавались максимально комфортные условия для иностранных инвесторов. Многие первые серьезные инвесторы, помимо западных партнеров, были «хуацяо» – выходцы из Китая, проживающие за границей. Для научной поддержки проводимых реформ китайское правительство приглашало ведущих зарубежных ученых (в том числе двух Нобелевских лауреатов по экономике Дж. Стиглиц и К. Эрроу) [3, с. 136].

«Политика реформ и открытости» в отношении с крупными ТНК позволила КНР создать свои собственные компании и банки мирового значения (CNPC, ICBC, Xiami, Lenovo, Huawei, ZTE, Alibaba Group и др.).

На современном этапе развития КНР, внешнеполитический фактор уже рассматривается в обратном направлении: путем участия китайской экономики в модернизационных проектах за рубежом. Например, КНР является одним из главных инвесторов в странах СНГ, Южной Америки и Африки. Для нашей страны такими проектами стали: создание Белорусско-китайского индустриального парка «Великий камень», модернизация ТЭЦ в г. Минск, электрификация некоторых участков ж/д путей, строительство цементных заводов.

Примером проведения нового этапа модернизации КНР, путем внешнеполитического взаимодействия, может служить проект КНР по созданию транспортно-торговых коридоров Евразии – Великого шелкового пути и Морского шёлкового пути для XXI века [6, с. 169]. Данный проект является одной из главных задач обозначенных нынешним («пятым») поколением руководителей КНР во главе с Си Цзиньпином. Суть проекта: альтернатива существующим транспортным путям взаимодействия двух «экономических гигантов» Евразии – ЕС и КНР. На примере данного проекта, можно «увидеть в деле» принципы современного этапа модернизации КНР: выгода для КНР в развитии и модернизации своих центральных и западных регионов; выгода для ЕС и КНР в ускорении и удешевлении доставки товаров; выгода для стран участниц (в том числе и Беларуси) в построении современной инфраструктуры (создание новых рабочих мест, плата за транзит и т. д.).

Отличительной чертой, по сравнению с «западной моделью модернизации», является отсутствие со стороны КНР попыток вместе с инвестициями «экспортировать политические ценности». Кроме того, китайские инвесторы часто участвуют в создании социальной инфраструктуры (строительство больниц, школ, университетов, экологических объектов).

Кроме этого, КНР активно участвует в покупке и создании активов в странах ЕС и США (строительство портов, покупка государственных об-

лигации и долгов (Греция, Испания), приобретение крупных компаний (Motorola Mobility, Pirelli, Volvo), и даже покупка европейских футбольных клубов (Интер Милан, Ницца, Эспаньол)).

Помимо экономических аспектов, взвешенная внешняя политика «открытости» позволила КНР реализовать целый ряд политических задач. Например, «бескровное и спокойное» возвращение бывших территорий (Гонконг, Макао) в соответствии с принципом «одна страна – две системы». Еще одним примером необычного решения проблем развития и стабильности в регионе, может служить участие Турции в модернизационных проектах Синьцзян-Уйгурского автономного района (далее – СУАР). КНР заинтересована в развитии региона, привлечении инвестиции и повышении уровня жизни населения района (уйгуры – тюркоязычный народ). И роль важного иностранного инвестора может играть Турция. По мере развития экономического развития региона, а также культурного взаимодействия Турции и КНР, проблема сепаратизма и терроризма в СУАР может быть решена окончательно. Конечно, задумка уникальная, но в случае успеха отношения между странами станут поистине стратегическими.

В отличие от многих стран, учась и копируя многое у «западной модели развития», КНР сумела создать реальную альтернативу некоторым политическим аспектам «западной модернизации» (либеральная модель западной демократии). Некоторые страны Восточной Европы, Южной Америки, Азии и Африки выбирали путь «слепого» копирования и следования «западной модели модернизации» и столкнулись с целым рядом проблем: деиндустриализация экономики, отток передовых кадров за рубеж, ослабление и радикализация политической системы, усиление коррупции, рост социальной напряженности, утрачивание самобытной идентичности молодежи путем «вестернизации» ценностей. КНР также столкнулась со многими указанными проблемами и издержками современного общества потребления, однако при этом вырабатываются ответы на эти угрозы. Так, на вызовы «либеральной модели западной демократии» в КНР развивается концепция делиберативной (совещательной) модели демократии (с привлечением всех слоев общества: в том числе, бизнеса, внепартийных организаций и национальных меньшинств), создана уникальная система преемственности (каждые 10 лет меняется руководящий состав КПК). Широко применяется практика меритократического принципа, когда при назначении или избрании на партийные и государственные должности, секретари или губернаторы провинций отчитываются на партийных съездах по конкретным делам (количество созданных частных предприятий, рост заработной платы населения, упрощение административных процедур и т. д.). Борьба с коррупцией на всех уровнях («бить и мух, и тигров»), взвешенная политика экологического благополучия без ущерба экономическим интересам общества. В ответ на «американскую мечту» предложен проект «китайской мечты», где обществу «удачников и неудачников» альтернативой выступает

«построение среднезажиточного общества», а «индивидуализму во всем» – «здоровый патриотизм и служение обществу». Выступая на одном из совещаний, Си Цзиньпин заявил: «существует множество форм осуществления демократии, не нужно придерживаться шаблонной модели». По мнению китайского руководителя, «демократия – это не украшение, она нужна для решения проблем народа» [7].

Сегодня даже США, во многом изучая опыт китайской модернизации, возвращаются к пониманию важности промышленного аспекта экономики (появление «нового» поколения инженеров и новых промышленных предприятий – Space X, Tesla).

Сегодня ситуация на международной арене очень непростая для КНР: президент США Д. Трамп желает пересмотра условий торговли с КНР, стремится создать условия для возвращения основных производств из КНР в США, рассматривается вопрос укрепления военного взаимодействия с основными союзниками в регионе АТР (Япония, Южная Корея). Кроме того, сейчас США пересматривает свою роль «западного мира» в процессах глобализации в сторону ужесточения правил торговли и инвестиций в развивающиеся страны.

В 2009 году президент США Барак Обама, посещая КНР, предлагал рассмотреть концепцию построения альянса G-2 (США – КНР), однако тогда руководство КНР отказалось от этой идеи в пользу многополярного мира. В ответ на это администрация Обамы начала активное участие в процессе построения Транстихоокеанского партнерства (торговый союз АТР без участия КНР). И даже несмотря на отмену Д. Трампом соглашения по участию США в данном проекте, именно перед КНР стоит вызов по выработке новой повестки взаимовыгодного развития АТР. Судя по последнему выступлению Си Цзиньпина на мировом экономическом форуме в Давосе, КНР становится основным «защитником» экономической глобализации, равных возможностей развития и доступа к «благам» современного мира.

Китайская модель развития имеет множество издержек и проблем, учитывая специфику китайской цивилизации и государства, сложно говорить, что эта модель полностью применима к «экспорту» в другие государства. Но тем не менее, важным достижением «политики открытости и реформ» КНР является появление (после крушения СССР) реальной альтернативы или во всяком случае возможности существования альтернативы «западной модели развития».

Список использованных источников

1. Мясникович, М. В. Эволюционные трансформации экономики Беларуси / М. В. Мясникович. – Минск: Беларуская навука, 2016. – 321 с.
2. International Monetary Fund. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Международного валютного фонда – 2017. – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/About/infographics/AM16-SDR-Infographic>. – Дата доступа: 10.02.2017.

3. Рудый, К. В. Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси / К. В. Рудый; под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. К. В. Рудого. – Минск: Звезда, 2016. – 464 с.

4. Ли, Л. Прорыв: как открывались ворота страны: 30-летию начала реформ в Китае посвящается / Л. Ли; пер. с кит. Ли Иннань. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 2010. – 472 с.

5. Плейт, Т. Беседы с Ли Куан Ю / Т. Плейт; пер. с англ. А. Ракина. – М.: Олимп – Бизнес, 2012. – 232 с.

6. Тавровский, Ю. В. Си Цзиньпин: по ступеням китайской мечты / Ю. В. Тавровский. – М.: Эксмо, 2015. – 272 с.

7. «Делиберативная демократия» – популярное политическое выражение в Китае [Электронный ресурс] / Официальный сайт газеты «Жэньминь жибао» – 2017. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0304/c95460-8857036.html> – Дата доступа: 10.02.2017.

(Дата подачи: 17.02.2017 г.)